

КОНЦЕПЦИЯ ФАШИЗМА В ВЫСТУПЛЕНИЯХ ДЖУЗЕППЕ БОТТАИ

Публикация Т.П. Нестеровой

Публикуемые ниже тексты принадлежат Джузеппе Боттаи, одному из основателей и руководителей фашистского движения в Италии, теоретiku фашистского корпоративизма. Дж. Боттаи (1895 – 1959) в 1919 г. был основателем фашистской федерации г. Рима, издателем нескольких журналов, в том числе «Critica fascista» и «Primato», в которых сотрудничали многие итальянские интеллектуалы, в том числе и не полностью поддерживавшие фашизм. Джузеппе Боттаи занимал ряд административных должностей: был членом Большого Фашистского Совета, Национального совета корпораций, губернатором г. Рима (1935 – 1936), министром национального образования (1936 – 1943). 25 июля 1943 г. на заседании Большого Фашистского Совета поддержал решение о смещении Муссолини с поста главы правительства. Заочно приговорен к расстрелу решением Веронского трибунала (январь 1944 г.) как участник заговора против Дуче. Эмигрировал в Испанию, вернулся в Италию после амнистии 1948 г.

Джузеппе Боттаи был одним из ведущих теоретиков фашистского корпоративизма, автором многочисленных публикаций, посвященных обоснованию корпоративной системы. Неразрывность понятий «фашизм» и «корпоративизм» Дж. Боттаи отстаивал также в ряде выступлений. По инициативе Дж. Боттаи теория корпоративизма как элемента фашистской культуры и фашистского стиля была включена в курс основ фашистской культуры, который читался в каждом региональном институте фашистской культуры.

Ниже публикуются тексты двух выступлений Джузеппе Боттаи 1934 г., посвященных его концепции фашизма как корпоративизма. Лекция «Фашизм и корпоративизм» была прочитана Дж. Боттаи 20 февраля 1934 г. перед офицерами – слушателями курса фашистской культуры, организованного Институтом фашистской культуры провинции Пиза (Дж. Боттаи, наряду с прочими должностями, в 1934 г. занимал должность декана факультета права Пизанского университета). Вторая лекция – «От революции французской к революции фашистской» – была прочитана Дж. Боттаи 6 декабря 1934 г. в Сорбонском университете в Париже. Тексты обеих лекций публикуются по машинописному оригиналу с собственноручной правкой Дж. Боттаи; оригиналы хранятся в Риме (Италия), в Историческом архиве Фонда Уго Спирито (Archivio storico Fondazione Ugo Spirito, Fondo Bottai, Busta 2, fasc. 7; Busta 4, fasc. 9).

ФАШИЗМ И КОРПОРАТИВИЗМ

Лекция Его Превосходительства Джузеппе Боттаи

В день окончания курса основ фашистской культуры Фашистского института культуры. Пиза, 20 февраля 1934 г.

Стенография Р.Б. Ольчезе

Господа офицеры,

Именно к вам обращен этот курс лекций, организованный при помощи Института культуры г. Пизы. Завершая данный курс, я обращаюсь именно к вам, к тем людям, которые выполняют в нашей армии очень деликатную функцию духовного и морального воспитания людей. Выступление на тему корпоративизма, обращенное к офицерам, может и должно, по моему мнению, иметь особый характер. Речь идет, прежде всего, о выделении определенных концепций и понятий, соответствующих вашему долгу и службе. Задачей итальянских офицеров является формирование Вооруженных сил страны и управление ими; формирование их не только при помощи образовательных институтов, но и при помощи воспитания характера и людей, готовых в любой момент с оружием в руках защитить Родину и государство. Может ли государство, которое армия призвана защищать, быть государством «в общем смысле» или оно должно представлять какую-то определенную идею, направление в развитии? Это не праздный вопрос для тех, кто помнит, что еще 5 лет назад в Палате депутатов можно было всерьез дискутировать на тему определения сущности государства, и провозглашалась необходимость создать и защищать государство вообще, никак не определенное. Теперь мы создали особый тип государства, которое обладает своими качествами и особыми свойствами – это фашистское государство. Но поскольку в сознании всех итальянцев существует уравнение Муссолини «фашистское государство есть государство корпоративное» (если бы фашистское государство не было корпоративным, оно не было бы фашистским), то является очевидным тот факт, что армия, защищая государство, защищает одновременно и его особенное устройство – корпоративное государство.

Однако есть и другая трактовка уравнения «фашистское государство есть государство корпоративное», которая имеет значение не только для особой позиции армии в том типе государства, которое мы создали, но и для вооруженных сил в любом типе государства.

В современном государстве армия, воспринимаемая как закрытая специализированная структура, исчезла. Война, заставившая взять в руки оружие людей разных классов, нанесла последний решающий удар по военным организациям. Этим самым мы не отрицаем тот факт, что сейчас как никогда необходима военная культура высочайшего уровня, но она может формироваться только с осознанием и пониманием основополагающих ценностей национальной культуры.

Сегодня от офицера можно требовать уровень знаний значительно более высокий, чем тот, который спрашивался с нас в довоенное время. Необходимо знать и понимать народ, который нужно включить в ряды армии, в ее повседневную жизнь, в экономические и социальные отношения. Это дей-

ствительно в отношении всех народов, всех наций и всех государств. Но особенно это важно для фашистского государства, потому что в фашистском государстве понятия субординации, иерархии, дисциплины, духа самопожертвования – понятия, присущие армии, – распространяются на все сообщество, которое, по сути, является одним большим войском. Существует и третье значение, которое, по моему мнению, делает очевидной связь между службой офицера и институтами корпоративного государства.

Граждане, которые идут служить в армию, оцениваются с точки зрения корпоративизма, перед тем как приступить к службе; или же это происходит после того, как они заканчивают свою службу.

Следовательно, мы можем догадываться о существовании связи между военной службой и службой, которую можно назвать корпоративной, и которую каждый из нас осуществляет во благо общества.

Чтобы осознать связь, существующую между понятиями «фашизм» и «корпоративизм» и убедиться в том, что корпоративность итальянского государства в точности соответствует его фашизации (это новое слово, которое вполне ясно отражает мою мысль), нужно, наверное, вспомнить историю фашизма, вернуться к его истокам, но не к 1919, а к 1914 году. Именно в этом году возник фашизм, в тот день, когда Бенито Муссолини отошел от итальянской социалистической партии. Только один человек мог быть двигателем той революции, которая на государственном уровне вновь обозначила проблемы, остававшиеся в то время нерешенными. Действительно, создав газету «Пополо д'Италия», которая обладала большой значимостью в жизни военных между 1915 и 1919 гг., Муссолини определил это периодическое издание как «Орган борцов и производителей». Слово «производители», как позже Муссолини пояснил на страницах доктрины фашизма, само указывает на стремление решить все проблемы итальянской экономики в новом политическом аспекте.

В послевоенном периоде можно указать на еще одну важную дату, подтверждающую связь корпоративизма и фашизма: март 1919 г. Рабочие города Дальмине объявили забастовку, закрылись на фабрике, но не для того, чтобы бездействовать, а чтобы работать. Они подняли на самую высокую дымовую трубу итальянский флаг и заявили о том, что будут действовать, следуя высшим интересам нации. Бенито Муссолини выехал из Милана в Дальмине, где выступил с речью, которую следует считать моментом рождения национального синдикализма и фашистского корпоративизма. Несколько дней спустя, 23 марта, на площади Сан-Сеполькро в Милане было создано фашистское движение. В своем выступлении Муссолини говорил о корпорациях и обрисовал проект программы, которая в 1921 г. с преобразованием движения в партию приобретет более четкий и органичный характер.

В 1921 г. в ходе конгрессов и собраний рабочих, отошедших от экстремистских партий, национальный синдикализм приобрел ясную форму и все большее число последователей, которые составили его основную действующую силу и мощь.

Следовательно, с самого начала корпорации являлись неотъемлемым элементом фашистского движения.

Можно и даже нужно сказать, что фашизм рождается корпоративным, что фашизм без корпоративного начала, корпоративных идей исчерпал бы себя, как другие движения, которые пытались копировать его только лишь на основе политического насилия, и не смогли повторить его главных достижений.

Но это магическое слово, произнесенное впервые 23 марта 1919 г., и которое будоражит умы людей и вызывает полемику во всем мире, произвело переворот во всех политических течениях мира. С тех пор, как и у многих других слов нашего политического словаря, у этого появилась своя история, полная динамизма; порой этому слову присваивались различные значения без какого-либо понимания его исключительной организующей направленности. Многие пытались присвоить его себе как свою идею, но не сумели полностью постичь смысл, содержащийся в нем. Эта идея понятна фашистскому сознанию, она обладает внутренней силой вдохновения, и ради этой идеи еще предстоит потрудиться. Наши сердца еще полны мужества, и это магическое слово было произнесено Муссолини 14 ноября 1933 г., когда в Национальном Совете Корпораций он дал дорогу последнему корпоративному закону. Нужно быть мужественными и смелыми, чтобы пройти тот путь, по которому мы идем уже много лет, и каждый из вас знает, что это то слово, которое Дуче никогда не произносит напрасно.

Нам всем необходимо понять, что же все-таки означает в целом слово «корпоративизм».

Второе слово уравнивания – фашизм – более народное понятие. Все объявляют себя фашистами, даже те, кто не состоит в партии, и я сомневаюсь, что кто-то из членов партии неохотно назовет себя корпоративным фашистом. Именно это слово изначально должно пониматься точно, чтобы каждый мог воспринимать его как свое собственное убеждение в обыденной жизни. Это слово, которое благодаря нам стало использоваться во всем мире, является почти что неологизмом, оно используется в современной жизни всех народов, и всем, кто понял нашу позицию, мы дали много подтверждений тому, что нужно создавать движение согласно духу корпоративизма. Такое движение, созданное Фашистской революцией, способствовало в течение последующих 15 лет работы возникновению целой системы новых организаций, в которых просматривается вся структура государства с новыми концепциями, касающимися государства в его различных аспектах: политическом, социальном, экономическом, юридическом.

Я уже отметил, что наша идея не раз копировалась другими, но это происходило без четкого осознания истинного смысла корпоративизма, и также я отметил, какими были результаты в других странах Европы и не только. Мы совершили великую революцию – мировую, универсальную, которая не уменьшает, а наоборот повышает нашу ответственность перед нами самими, против неудачных попыток плагиата, против искажения сути, которое часто случается вследствие этого. Действительно, слово «корпоративизм» могло привести и привело многих к непониманию его сущности и неверному сравнению со средневековым корпоративизмом. Необходимо уяснить, насколько велика разница между средневековым и фашистским корпоративизмом. Однако, рискуя отвлечься от темы, я не буду заострять внимание на этом аспекте, я лишь подчеркну необходимость проводить это различие. Все, что считается средневековым корпоративизмом, прямо проти-

воположно корпоративизму фашистскому. Истоки современного синдикализма, фашистского корпоративизма мы находим в усовершенствовании производственных технологий, в создании великих национальных государств. Даже в тех странах, где синдикализм в своих различных формах подвергается влиянию идеологий, отличных от фашизма, суть проблем остается той же. С точки зрения истории и содержания гораздо больше общего между синдикализмом и фашизмом, чем между средневековым и фашистским корпоративизмом. Фашизм, как говорит Муссолини, направлен против социализма, который делает классовое движение более жестким. Также он против классового синдикализма, но в рамках регулирующего государства заставляет влиться его в корпоративную систему. Возникнув в процессе развития современной мысли в конце XIX – начале XX века, фашизм набирает силу и проявляет себя во время мирового экономического кризиса 1919–1934 гг. Политические требования и новые условия, необходимые для его возникновения, большей частью берут свое начало в процессах прошлого века. Промышленная революция и новые технологии производства, массовый выпуск товаров, с одной стороны, либеральный режим, с другой, влекут за собой несоответствие между экономической жизнью и производством. Постепенно новые идеи проникают во все слои общества и социальной жизни.

Юридическая и политическая организация государства, которая до реформ фашистского режима представляла собой не что иное, как демократический либерализм, имеет целью поставить массы граждан, далеких и рассеянных, в юридические рамки, в которых индивид является абсолютным арбитром: государство стремится решить социально – экономическую проблему, не решая ее и четко не определяя ее сути. Наоборот предполагалось, что оно будет находиться в стороне от политической и социальной жизни отдельных индивидов.

Либеральное государство – это государство, которое не вмешивается в социальное и экономическое соперничество между классами. Однако такое поведение никак не соотносится с их повседневными потребностями, и, следовательно, возникает целая серия проблем теоретического и практического характера.

В момент кризиса государства возникает проблема профессиональных объединений, как активно действуют рабочие организации, такие как тресты, картели и др. Вот та проблема, которую фашизм обозначил с самого начала, которую увидел сам Муссолини, когда назвал свою газету «газетой предпринимателей».

В сущности, кризис не является источником всех тех несчастий, которые стараются ему приписать. Проблемы, которые требовали в свое время безотлагательного разрешения, были решены, фашизм подтвердил, что капиталистическая система, являющаяся наружной оболочкой социально–политической жизни, находится в кризисе не сиюминутном и поверхностном, а длительном и глубоком. Если оставить экономическую жизнь во власти коллективных потребностей, как это происходит в либеральном государстве, то пошатнется социальное равновесие, и проблемы останутся нерешенными.

Кризис, который фашизм намеревался и намеревается сейчас преодолеть с помощью корпоративизма, заключается в отрыве либерального государства от социальной силы и его неспособности подчинить своей высшей власти новые объединения. Корпоративизм, сталкиваясь с данной проблемой, поддерживает необходимость признания со стороны государства их политической и юридической значимости. В жизни государства не последнюю роль играет экономика. В государственном сообществе индивид поднимает уровень своей жизни. Экономические преобразования не могут не повлечь за собой политических перемен. Это все аспекты выражения социального феномена. Корпоративизм помогает понять это с помощью новой концепции государства. Государство, согласно этой концепции, управляет социально-экономическими силами, созданными гражданами. Концентрация и управление ими во имя своих наивысших целей ведет к тому, что его экономическая и моральная сила признается в самой жизни государства. Управлять действующими социальными группами, передавая им их права и обучая их юридическим нормам, как это делает итальянский корпоративизм, означает признать без ложного страха его значение в государственной жизни. Это значит поднять экономический уровень жизни граждан над уровнем социальным.

Корпоративизм может быть определен как принцип экономических организаций, которые должны стремиться участвовать в политической жизни сообщества. Это та форма решения кризиса, которую предлагает государство. Только корпоративизм и фашизм формируют политическое достоинство государства, его этическое и политическое превосходство. Такое превосходство происходит не из желания главенствовать над кем-либо, а из желания достичь благополучия для народа и политического могущества. В этих рамках корпоративизм предстает как ядро фашизма, как нечто чего фашизм не может быть лишен, а иначе исчезнет всякий исторический смысл его существования. Хотел бы сказать больше: корпоративизм можно сравнить с постоянно действующим коммутатором революционных сил фашизма. Как только появляется тенденция к появлению таких революционных сил, начинает действовать корпоративизм, который преобразует их в силы реальные и действующие. Повторю еще раз: по моему мнению, корпоративизм – это революция в революции, он является импульсом к фашистской революции, это ее главный элемент; первооснова, определяющая ее стабильность. Это инструмент, с помощью которого мы можем продолжить путь нашей революции, и с помощью которого революция за 12 лет с момента похода на Рим стала более подготовленной к другим броскам.

Что касается корпораций, только на них должно ориентироваться государство, чтобы избежать такой серьезной опасности как подрыв своих сил в политической жизни.

Мы находимся в начале новой фазы революции. Отбросьте все устаревшие структуры отжившего государства, мы оставим с вами в истории знак нашей новаторской воли.

Связь фашизма и корпоративизма не случайна и имеет огромное значение. Если правда то, что существование народа обусловлено связью сил, которые подталкивают его к постоянному взаимодействию идей и мыслей, то наша цивилизация обладает своей созидательной силой, которая уже содер-

жится в биноме «фашизм – корпоративизм», воспринимаемом нами как единое понятие. Все народы сейчас наблюдают за новым социально-экономическим этапом в истории развития Италии. Мы в авангарде века, нужно поддерживать наше положение, нужно идти быстрее других, никогда не уставая. Не нужно останавливаться на достигнутом, нужно идти к следующим достижениям, которые все больше и больше будут укреплять характер фашистской революции.

Необходимо защищать эту революцию, господа офицеры, защищать фашистское и корпоративное государство, которое она создала, и которым вы – и все итальянцы – должны гордиться.

Один великий итальянец сказал, что революция – это идея, которая нашла штыки для своей защиты, и мы доверяем нашу революцию, революцию Муссолини вашим штыкам: мы знаем, что вы пронесете ее далеко вперед в мировой истории.

ОТ ФРАНЦУЗСКОЙ К ФАШИСТСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Лекция в Сорбонском университете, прочитанная 6 декабря 1934 г.

Джузеппе Боттаи, членом Большого Фашистского Совета, деканом факультета права и директором Корпоративной Школы Королевского Университета г. Пизы.

События последних лет подтолкнули нас к мысли о проведении исследования того, какую ценность и значимость имеет корпоративная идея в современном мире, идея, получившая подтверждение в Италии в духе фашистской революции и в экономической и политической системе, которую она создала. Мне показалось, что, изучая данный вопрос здесь, вместе с вами, в одном из знаменитых и значимых городов Франции, я мог бы назвать свое исследование полезным, поскольку оно преследует цель, которую ставит перед собой Комитет Франция – Италия: углубить знания идей, способствующих развитию французской и итальянской цивилизации. Мое исследование будет проведено со всей научной объективностью и беспристрастностью с привлечением результатов прямого наблюдения за политической, социальной и экономической реальностью, которую мы наблюдаем каждый день.

В действительности, мы можем ясно и отчетливо обозначить основные черты общей политической проблемы, возникшей перед государствами в нынешних условиях. Из-за экономического кризиса эта проблема потребовала безотлагательного решения. Опытный наблюдатель, однако, скажет, что данная проблема возникла во время войны 1914 – 1918 гг. А это значит, что еще задолго до мирового конфликта начали формироваться ее характерные черты и элементы.

Для того чтобы дать им точное определение, необходимо четко разделять нравственные и материальные причины, воспринимая последние в их истинном значении. Не нужно считать необоснованным то объяснение ситуа-

Перевод с французского языка Е.В. Корюковой и Т.П. Нестеровой

ции, которое указывает на существование конкуренции в экономической, торговой и колониальной сферах. Оно вовсе не стремится принизить значимость этических и эмоциональных побуждений, и является очень точным. Однако данное объяснение можно назвать верным при том условии, что ему не станут приписывать характер жесткого экономического детерминизма, поскольку в этом случае оно было бы неполным и недостаточным. Торговые отношения и экономическая экспансия уже не определяют политические и нравственные причины для каких-то действий, скорее они сами определяются данными причинами. Духовные потребности нации, ее историческое чувство собственного достоинства, та миссия, которую она призвана выполнить в мире – вот те факторы, которые определяют экономическую ситуацию. Нужно, наверное, говорить скорее о сосуществовании различных побуждений, как об элементах единой системы, которые обуславливают друг друга. Мы видим в истории единство экономики и политики, что является одним из фундаментальных законов фашистской доктрины. Каждая нация постаралась утвердить свою индивидуальность: она включает в себя этические, экономические, духовные, культурные и религиозные составляющие, которые в своем динамичном единстве порождают систему, выраженную в политической индивидуальности нации. Учитывая целостность данных элементов, как же нужно организовать государство, чтобы они функционировали наилучшим образом? Частично проблема была решена во время войны путем предоставления правительствам чрезвычайных полномочий. Но в конце войны государства вновь столкнулись с ней, и она до сих пор является нерешенной. Это проблема современного государства, которое управляет всеми элементами, из которых оно состоит, для того, чтобы жить в «мире наций».

Однако не ведет ли свое происхождение современное государство, уже совершенное и упорядоченное, из Французской революции и ее конституционной и юридической системы? Это главный вопрос нашего исследования. Позвольте мне ответить на него.

История нам доказала, что государство, сформировавшись в разных странах под влиянием Французской революции, не является инструментом, который подходит для современной жизни, и не является той системой, которую ждал весь мир. Едва зародившись, государство уже являлось устаревшим и неэффективным. Рабочие волнения, начавшиеся во время революции и сыгравшие не последнюю роль в жизни народа, представляют собой один из самых драматичных аспектов этой неэффективности, которая постепенно проявляется со всех сторон.

Интересно было бы найти ее истоки и причины. Их нужно искать в исторической реализации принципов Французской революции. Это исследование приводит нас в область отношений между Французской революцией 1789 г. и революцией фашистской. Это непростая и деликатная область, в которой необходимо связать фашизм и сегодняшнюю Италию с историей современного мира, чтобы обеспечить фашизму достойное среди политических идей и движений, наконец, чтобы признать его универсальную ценность.

Мы изучаем эту область с абсолютной беспристрастностью, присутствующей историку, который лишен предубеждений, и это подводит нас к важному

открытию: фашизм не противоречит тем требованиям, которые когда-то стали причиной Французской революции. Напротив, он развивает то, что составляет ее истинную сущность. Он находится не за пределами современной истории, а во главе ее, потому что решает ту проблему, которую великая революция обозначила, но не сумела решить.

Не нужно считать данные утверждения всего лишь теоретическими. Они имеют большое значение в сравнении с зарождающимися движениями, которым непрофессиональные исследователи и наблюдатели дают одно общее обозначение – фашизм. Сейчас мы не будем выносить оценку этим движениям. Каждое из них имеет свою историческую оценку. Но считать, что они единодушны в отрицании Французской революции и ее идей, является большой ошибкой. И, тем не менее, несколько месяцев назад во французской газете, издающейся в столице одного из восточно-европейских государств, можно было прочесть в статье под названием «Фашизм против идей Великой французской революции» следующие строки: «Долой идеи Великой французской революции! Это тот лозунг, с которым каждый день выступают руководители фашистского движения, неустанно повторяя, что у них лишь смутное представление о великих идеях 1789 г., которые они собираются уничтожить. Фашизм не утверждает, что идеи Великой французской революции устарели, поскольку их историческая миссия переживает упадок. Нет. Для фашистов они не более чем историческая ошибка».

Историческая ошибка была допущена автором статьи, который, кажется, слишком заинтересован в том, чтобы спровоцировать непонимание и дать повод для кривотолков. Мы, итальянцы, ставшие инициаторами фашистского движения, являемся единственными полноправными толкователями и выразителями его доктрины. Возможно, она способствовала появлению разных противоречивых политических движений. В истории политических идей этот феномен известен как феномен следствия; о нем Луи Ружье в статье «Протестантизм и философия истории» (газета «Меркюр де Франс» от 1 января 1929 г.) писал следующее: «Политическая доктрина и религиозная система действуют и проявляют себя скорее через ответные действия, которые они провоцируют, чем через механическое развитие их логических результатов. Они проявляются через компромиссы, вторичные результаты, прямые и косвенные последствия, которые влекут за собой, взаимодействуя с другими силами».

Таким образом, - автор далее приводит примеры – учение Аристотеля, представляющее собой попытку создать науку о природе, послужило оправданием для новой догмы; неоплатонизм, попытка примирения греческого интеллектуализма и мистических чаяний религий, проповедующих спасение человека, привел в конечном итоге к религиозному материализму, магии и демонологии и т.д.; а Французская революция, провозглашавшая идеи равенства и свободы, породила цезаризм. Фашистская революция не избежит подобной участи. Именно поэтому так важно для достижения поставленной мной цели вернуться к истинному ее значению.

Давайте посмотрим.

Ссылаясь в своем историческом исследовании на Французскую революцию, мы приходим к признанию исключительной ее значимости в мировой истории, она является ее достоянием, победой человеческого духа, ее нельзя отрицать, но необходимо понять, проанализировать и оценить по достоинству.

С другой стороны, если и возможно с некоторой легкостью отрицать бессмертные принципы 1789 г., прежде нужно выяснить, как эти принципы формулировались, и рассмотреть связь между моментом их провозглашения и реализацией. Увидеть, в общем, ту историческую и политическую субстанцию, которая сформировалась на их основе.

Принципы Французской революции были провозглашены в той манере, которую мы никак не можем принять. Именно в этом заложены истоки и причины того, какой характер приобрели принципы 1789 г.; характер, который мы считаем ложным, несмотря на то, что с точки зрения истории, он был необходим и неизбежен. Содержание Декларации прав человека представляет собой одновременно исторические причины революции и концепции естественного права. Права и свободы, которые отстаивались в ту эпоху, показывают нам движущую силу и неоднозначную причину неповиновения, желания освободиться от тирании, с помощью которой государство тогда управляло людьми. Свобода мнений имеет своей целью гарантировать неприкосновенность нового духа и сознания, сформировавшегося в противовес существующему социальному порядку и действующим концепциям и доктринам. В сложившейся ситуации индивид взывает к своей природе, сущности, которая не принимает социальное устройство общества, не соответствующее более его умонастроениям и новой жизни. И именно в этой своей сущности человек видит основу для тех прав, которые он отстаивает. Природа человека принимается уже как реальность абсолютная, самобытная и неприкосновенная; естественное право становится своеобразным рычагом, который, если привести его в движение, подрывает и разбивает вдребезги феодальную систему привилегий и абсолютный режим власти.

Естественное право и свобода, о которых идет речь в Декларации прав человека, утверждают, что права человека не зависят от государства, что оно не является их первоисточником; государство только признает их. В ст. 1 Декларации говорится следующее: «Люди рождаются и живут свободными и равными в правах», ст. 2: «Целью любого политического объединения является охрана неотъемлемых прав человека. Это свобода, собственность, безопасность и сопротивление угнетению». Таким образом, утверждается приоритет гражданина перед государством, за ним признаются права, которые в историческом плане предшествовали появлению государства. Права и свободы, провозглашенные в принципах 1789 г., имеют общее значение: независимость гражданина по отношению к государству. Их значение спорно и даже отрицательно в случае абсолютного государства, и мы прекрасно понимаем почему.

Впоследствии, уже в XIX в. наука основательно пересмотрела эту рационалистическую концепцию естественного права, доказывая несостоятельность индивида, предшествующего государству, несостоятельность права без социальной организации, т.е. без организации юридической, а, значит, без государства.

Но в это же время в Европе и по всему миру распространялись принципы и идеи революции 1789 г., обозначив один из самых важных периодов истории. Они постепенно внедряли в политическую жизнь и законодательство государств концепцию свободы как гарантию, утверждение независимости, защиту для граждан по отношению к государству. Мы видим эту концепцию во всех современных законодательных системах, в первых конституциях, разработанных под непосредственным влиянием Декларации прав человека и потребованных народом у своих правителей опять же под влиянием событий 1789 г.

Все политические организации, все государственные системы либерального толка изначально содержат в себе изъяны, так как они утверждали, что индивид предшествовал появлению государства, что юридический порядок – это система ограничений, которая защищает гражданина от государства. В либеральной концепции государство не является формой, в которой протекает жизнь простого человека, в которой в наивысшей степени активизируется вся его социальная сущность. Именно поэтому либеральное государство переродилось в некую абстрактную демократию с абстрактными индивидами. Пока социальная жизнь развивалась и усложнялась, чтобы в конечном итоге достичь максимального предела своей сложности, государство оставалось пассивным и далеким, чтобы не вторгаться в жизнь индивидов.

Но та упрощенная манера, в которой идеи 1789 г. были сформулированы, не помешала им стать основой для великой истории.

Это не так давно подчеркнул руководитель фашистской революции Муссолини в своем выступлении от 10 ноября, посвященном учреждению двадцати двух Советов Корпораций. Муссолини сказал: «Прошлый век провозгласил равенство граждан перед законом, и это стало большим завоеванием». Кроме того, в Итальянской энциклопедии, в той ее части, где идет речь о «Социальной и политической доктрине» фашизма (том XIV, стр. 848), Муссолини утверждает, что «отрицание фашистами социализма, демократии и либерализма не должно наводить на мысль, будто фашизм стремится привести мир к тому, что было до 1789 года, который называют началом века либеральной демократии. Мы не повернем назад».

Поэтому, принимая во внимание ту тесную связь, которую мы имеем с нашим временем, мы, фашисты, можем признать реалистическое предвидение событий, содержащееся в Декларации прав человека 1789 г. Мы можем признать это, несмотря на некоторую наивность и неприемлемость с научной точки зрения формулировки принципов для нынешнего поколения, заложенных в Декларации.

Совершая подобное исследование, мы признаем, что Французская революция, без всякого сомнения, является одним из самых значительных событий в истории человечества, поскольку она способствовала появлению в истории современного сознания и духа, который продолжает завоевывать свою независимость и утверждать ее. Благодаря Французской революции этот дух осознал свою собственную созидательную силу, свою абсолютную свободу и абсолютную ценность. Новое сознание стремится понять все происходящее вокруг и в то же время создать свою собственную историю. Вот та сила, которая направлена на разрушение старой системы и создание общества

согласно новым ценностям и принципам. И нам становится ясно, что, несмотря на напыщенное анархистское красноречие, фетишистские демократические умозрения, якобинскую браваду, либеральные прихоти и искренние наивные утверждения в бессмертных принципах революции, вызывавшие у нас улыбку, мы должны признать тот факт, что с исторической точки зрения Французская революция, бесспорно, имеет огромное значение в мировой истории.

Признавая это, мы вынуждены, однако, спросить у либерального государства, каким образом оно реализовало тот принцип, которому приписывало конструктивную силу. Нам уже известно, что оно допустило ослабление, а затем и полное прекращение действия силы фундаментальной концепции революции, согласно которой гражданин – хозяин и созидатель своей общественной жизни.

Очевидно то, что либеральное демократическое государство является лишь одним из этапов, который политическая и правовая концепция революции должна была обязательно пройти. Но при этом мы можем утверждать, что этот этап стал отклонением от правильного пути, искажением, а не реализацией идей революции. И это искажение обусловлено тем, как новые принципы, содержащие идеи естественного права и характеризующиеся некоторой абстрактностью, появились и добились признания в истории.

Та система, которую индивид строит в своем сознании, создавая государство, остается незабываемой. Французские революционеры испытали на себе все последствия создания государства. Свобода, за которую они боролись, не была для них (да и не могла быть) всего лишь правом действовать по настроению, но завоеванием возможности строить свое государство, стать государством. Индивид хочет стать государством и утверждает, что способен стать им. Но это, конечно же, не означает, что государство – это изолированная и неподвижная структура, что как раз характерно для государства либералов. Напротив, для индивида это означает отождествиться с государством, жить в нем и для него.

Либерализм, как мы видим, не сумел полностью реализовать принципы 1789 г. Путь реализации идей революции должен быть пройден до конца. Для того чтобы они были воплощены в жизнь, необходимо, чтобы гражданин стал хозяином своей жизни и своей истории, чтобы он больше не был пассивным субъектом государства, чужого и далекого для него и, как следствие, деспотичного. Необходимо, чтобы индивид смог самореализоваться в государстве. Либеральное государство – это пустая форма, которая никак не служила гражданину, в ней он не находил свою духовную сущность, и, в конце концов, эта форма не в состоянии эффективно регламентировать его жизнь.

Чтобы создать государство, которое было бы одновременно инструментом и целью исторической жизни индивидов, нужно прийти к тому, что фашизм считает важным и реализует уже сейчас: корпоративное государство, являющееся неизбежным результатом современной истории.

Вот в чем заложена универсальная ценность итальянского корпоративизма – в его решении всеобщей проблемы. Эта проблема интересовала различные институты, но кроме юридических вопросов она содержала в себе и нравственную проблему социальной справедливости. Буржуазные классы для того, чтобы прийти к власти, заявили о правах человека, за которые каждый

мог бороться, но затем они отрицали наличие гражданских прав у народа, держали его на расстоянии от государства и даже смещали с того места, которое он занимал в государственной системе через упразднение ремесленных цехов и уставов. Таким образом, народ, рабочие классы оказались вне государственной системы. Достаточно отметить, что, например, в Англии, трудовые отношения между рабочими и работодателями вплоть до 1872 г. регулировались старым законом, касающимся отношений господ и слуг. Их считали простонародьем, отрабатывающем барщину, крепостными, поэтому они находились в гораздо худшем положении, что, конечно же, являлось большой несправедливостью. Поэтому становится понятным тот успех, которого достигли в среде тех же буржуазных слоев идеи социализма, как равно понятно и то, почему рабочие массы, желая освободиться от гнета, так горячо приняли идеологическое революционное учение социализма.

Становится ясно, какое значение имеет итальянский корпоративизм в современной истории, когда мы думаем о той сложной проблеме, которая возникла перед нами. Фашизм нашел целостное решение данной проблемы, поскольку он отвечает требованиям государственного порядка и требованиям справедливости. Корпоративизм в действительности позволяет гражданину полностью примкнуть к государству, осуществлять в нем свою собственную экономическую жизнь, устанавливать экономические отношения с помощью юридических и политических органов, учрежденных в корпоративной системе; гражданин устраивает свою жизнь (общественную, политическую, государственную), которая вся реализуется в государстве, являющемся интегральной формой индивидуальной жизни. Кроме того, корпоративизм обозначил место рабочих классов в государственной системе. Они больше не являются слугами работодателей и не зависят от предпринимателей. Фашистское государство разработало систему законов, благодаря которым положение различных категорий рабочих становится очень выгодным. Речь вовсе не идет о какой-то эфемерной защите их прав, но о защите, гарантированной государством, о политическом представительстве на всех уровнях общественной жизни, начиная с коммунального управления и заканчивая общенациональными органами власти.

И вот здесь может возникнуть следующий вопрос. Проблема, которую пытался решить фашистский корпоративизм, конечно же, является всеобщей, универсальной, но может ли решение данной проблемы быть таким же универсальным, единым для всех государств? Этот вопрос задают все, желая тем самым поставить нас в тупик. Мы четко осознаем тот факт, что, несмотря на универсальный характер решения возникшей проблемы, та форма, в которой оно было реализовано в Италии, не может подходить для всех стран. Единственное, что имеет универсальную ценность, это основополагающий принцип корпоративизма.

Согласно ему, современное государство для того, чтобы быть таким, каким требуют от него история и сама жизнь, должно держать в руках все нити управления национальной жизнью. Затем необходимо создать такие юридические и политические институты, чтобы экономика находилась на уровне, соответствующем национальной политике. Что касается формы деятельности, необходимой для удовлетворения этих требований, то она должна

определяться политическим устройством, культурными традициями и нравственными устоями каждой страны.

Универсальным для всех является признание экономических и политических требований рабочего класса, признание необходимости их вовлечения в жизнь государства с предоставлением этим классам таких же прав и обязанностей, как и у других.

В том же выступлении, о котором я уже упоминал, Муссолини говорил, что фашистская эпоха «поддерживает, более того, постоянно укрепляет принцип равенства людей перед законом», «а также добавляет свой не менее важный принцип равенства людей в труде, который воспринимается как долг и как право». Способы и форма осуществления этого нового принципа зависят от особенностей каждого народа.

Кроме этого, мы попытались решить проблему взаимоотношения экономических сил и государства, а также проблему положения рабочих классов в капиталистической экономике. Наш вариант выхода из сложившейся ситуации может быть примером для других, поскольку он предложен очень развитым народом, который имеет за плечами блестящую многовековую историю. Конечно, можно было бы поспорить по этому поводу, но наши результаты очевидны, поэтому мы занимаем то место, которое причитается взрослым и здравомыслящим людям с большим жизненным опытом в сравнении с другими индивидами. Вот почему наше решение отличается ясностью и сбалансированностью. Мы не собираемся строить коммунизм и менять структуру социальных классов, установленных самой доктриной. Это приведет к очередной несправедливости.

Мы никоим образом не стремимся добиться духовного перерождения, очищения или создания счастливого человека, ни установления абстрактного и совершенного государства. Более того, мы знаем, что корпоративизм вовсе не является панацеей против всех болезней и зол, потому что дает решение лишь одной конкретной проблемы. И еще раз Муссолини предупреждает нас о том, что «не нужно в ближайшее время ждать чудес от большой корпоративной машины», запущенной в действие 10 ноября XIII года, «более того, совершенно не нужно ждать чудес тогда, когда политический, экономический и нравственный беспорядок, от которого страдает значительная часть планеты, царит до сих пор. Чудеса принадлежат не экономике. Политика, составным элементом и силой которой является экономика, должна иметь волю, организацию и метод». Корпоративизм, следовательно, и есть тот метод, с помощью которого мы решаем проблему, возникшую после образования современного государства.

Корпоративизм уже нельзя оценивать как спасительное средство в экстренных случаях. На самом деле мировой экономический кризис подталкивает все страны к принятию мер и разработке идей, схожих с итальянским корпоративизмом. Но можно быть уверенным в том, что, даже если бы и не было кризиса, диагноз и лечение болезни, подсказанные фашизмом, станут в скором времени общим достоянием различных стран, если только симптомы, которые мы наблюдаем, не обманывают нас.

Как я уже сказал, мы не стремимся осуществить какое-либо перерождение. Корпоративизм ставит своей целью научить индивида подчинять свои частные интересы общим интересам нации, а, значит, он преследует цель этического

характера. Он не вызывает к одной лишь нравственной сути человека, нравственной в эмпирическом и поверхностном значении, которое это слово приобрело в повседневном употреблении. Мы обладаем достаточным историческим благоразумием, чтобы верить в то, что, вызывая к человеческой доброте, можно решить сложную политическую проблему организации экономических сил на государственном уровне с учетом наивысших политических интересов нации.

Мы не станем повторять ошибку школ и доктрин, утопических в большей или меньшей степени, которые забывают о том, что экономика тесно связана с социальной жизнью человека. Она пронизана теми первопричинами, благодаря которым появилась социальная организация народов. Корпоративизм не проповедует отречение от собственных интересов, отказ от экономического интереса ради подтверждения своих возвышенных доблестных чувств; он не требует подчинения граждан из любви. Государство может выступить с подобным призывом в сложный период для всей нации, например, с призывом пожертвовать золото или государственные облигации, как это случилось у нас после войны. Однако экономическая система вряд ли может основываться на подобных жестах любви. Корпоративная система – это система политико-экономическая, а не нравственно-религиозная.

Проблема, которую корпоративизм стремится решить, заключается в достижении экономического благополучия как личного, так и государственного. То есть корпоративизм ставит целью обеспечить благополучие индивида, являющегося гражданином, который считает себя элементом, интегрирующим и обуславливающим такую динамичную систему, как государство.

Когда пытаются согласовать интересы индивида или класса с национальными интересами, то пытаются найти не компромисс, а истинный интерес индивида или класса. Для нас их истинный интерес тот, который в определенный момент развития национальной экономики гарантирует самую лучшую экономическую ситуацию с учетом и других показателей экономической системы на данный момент. А так как экономическая система вне зависимости от времени и ситуации является одним из аспектов организованного общества, решение проблемы, т.е. политическое благополучие государства, заключается в благополучии экономическом. Именно это тождество делает найденное решение легитимным и адекватным.

Итак, корпоративизм – это идея и доктрина, которая имеет и дальше будет иметь право на существование в этом мире, потому что он отвечает требованиям нынешнего времени и дает ответ на вопросы, поставленные Французской революцией, но не решенные ей самой. Мы можем сказать, что именно мы стали первыми, кто увидел всепоглощающее взаимопроникновение экономики и политики. Мы также заметили, что это взаимопроникновение неизбежно привело к проблеме экономического и политического характера одновременно и, как следствие, к проблеме государственного устройства.

Идея корпоративизма, родина которой – Италия благодаря гениальности Муссолини, становится во главе идейных движений, которые пытаются постичь социальную реальность и научно зафиксировать ее принципы.